

В. М. Аллахвердов

## Оценка ахинейности и тривиальности психологических концепций<sup>1</sup>

«Теперь охарактеризуем состояние психологической науки с помощью предложенных выше критериев, говорит В. М. Аллахвердов.

(Эти критерии обозначены как **критерии ахинейности** — критерии неожиданности, новизны и **критерии тривиальности** — критерии ясности и почти тривиальности сделанных утверждений — С. Р.)

(Ценность этих критериев задается логикой научного исследования: выдвигаемая гипотеза должна быть новой настолько, чтобы вызывать первоначальное ощущение у коллег ее неожиданности и даже неразумности. А ход ее доказательства и обоснования должен быть настолько успешным, чтобы у коллег возникло ощущение полной ясности того, что автором этой гипотезы утверждается, и не просто ясности, а почти тривиальности — С. Р.)

“Оценка ахинейности психологического знания дается редко, но если она все-таки оценивается, то крайне низко. Так, Э. Тулвинг и С. Мэдиган утверждают, что “самые яркие и неожиданные результаты психологических исследований не смогли бы ничем удивить Аристотеля”<sup>2</sup>.

Один из отцов когнитивной психологии У. Найссер прямо обвиняет накопленные знания в одной из самых развитых областей психологии — психологии памяти — в обыденности, то есть полном отсутствии ахинейности. Он пишет: студенты знают о рассказываемых им закономерностях работы памяти “задолго до того, как прослушают наши лекции”. Найссер ссылается на исследование Кройцера, Леонарда и Флейвелла: сообщаемые студентам на лекциях сведения о памяти известны по собственному опыту среднему американскому третьекласснику. Все эти знания верны, то есть обоснованы, но “фактически большая их часть, — добавляет Найссер, — знакома детям,

---

<sup>1</sup> Аллахвердов В. М. Размышление о науке психологии с восклицательным знаком. СПб., 2009. С. 53–57.

<sup>2</sup> Цит. по: Величковский Б. М. Современная когнитивная психология. М., 1982. С. 251.

посещающим детский сад”. И резюмирует: “если психология памяти намерена основывать свою аргументацию на подобных достижениях, тогда ей нечем особо похвалиться”<sup>3</sup>.

Психологическая практика гораздо более ахинейна, чем психологические теории. Показательно использование всевозможных техник, сбивающих клиентов с толку. Одни названия чего стоят: провокационная психотерапия техника преувеличения в гештальт-терапии, разрыв шаблона в НЛП, парадоксальные интервенции (самая известная парадоксальная интервенция В. Франкла) и мн. др. Даже стандартный призыв (приказ) психотерапевта “Будь спонтанным” сродни парадоксу лжеца: выполнить приказ и стать спонтанным можно только при отказе от выполнения любых приказов, следовательно, и данного. Лозунг многих психотерапевтических школ — лечение через осознание, то есть открытие сознанию того, чего там до этого не было. Чем более неожиданно это открытие, тем оно эффективнее. Клиенты часто благодарят психотерапевтов и тренеров именно за то, что они перевернули их сознание. В результате практическая психология сегодня оказывает большее влияние на культуру, чем теоретическая. И на кино- и телеэкранах мы регулярно наблюдаем психологов-практиков и почти никогда — теоретиков. Чем, собственно, психологи-теоретики могут удивить зрителя? Беда, однако, в том, что психологическая практика в принципе не имеет обоснования, а потому нет критерия, позволяющего различать научные и ненаучные методы и техники, ведь, как известно, клиенту помогает все то, во что верит он, а не теоретическая психология.

Теперь рассмотрим отдельные психологические теории. Выберем для анализа три сосуществующие психологические империи (в терминах А. В. Юревича): — психоанализ, бихевиоризм и когнитивизм.

### **Психоанализ**

**Психоанализ — концепция, конечно же, первоклассная по своей ахинейности. В свое время она сильно взбудоражила жителей буржуазной Вены, а потом и Европы** (Выделено мной — С. Р.).

---

<sup>3</sup> Найссер У., Хаймен А. Когнитивная психология памяти (Memory observed), СПб., 2005. С. 16

Как известно, уже доклад З. Фрейда Венскому психиатрическому и неврологическому обществу в 1896 году вызвал скандал. Председатель собрания назвал содержание его выступления “научными сказками”, Фрейд в ответ обозвал своих критиков “ослами”. Налет скандальности сопровождает психоанализ до сих пор.

Однако именно ахинейность обеспечивает эвристичность всей концепции. Психоанализ оказал огромное влияние на всю культуру, а сам З. Фрейд входит в десятку самых цитируемых авторов мира.

В течение ста лет развитие психоаналитических построений шло по пути их тривиализации. Ничего даже отчасти сопоставимого по своей ахинейности с позицией самого Фрейда более придумано не было.

На пути тривиализации проделана гигантская работа: создан особый язык, развивались ответвления, лишь отдаленно связанные с оригинальными положениями основателя, делались разнообразные попытки соединить психоаналитические конструкции с иными концептуальными построениями.

На мой взгляд, самым выдающимся тривиализатором теории Фрейда был Э. Берн, хотя его и не приняли в психоаналитическое общество.

И все же психоанализ не тривиализирован до конца, он и по сей день привлекает внимание широкой общественности своей контр интуитивностью. Отчасти это связано с высочайшей ахинейностью психоаналитической практики.

**Но главное — тривиализация во многом невозможна потому, что глубинная психология не свободна от логических противоречий. В частности, истинное бессознательное, по Фрейду, вытеснено из сознания. Но само сознание есть порождение бессознательного (“поздний потомок бессознательного”, скажет К. Юнг) (Выделено мной — С. Р.).**

**Этот логический круг сопровождает психоанализ с момента своего возникновения и не позволяет превратить его в логический трюизм (Выделено мной — С. Р.).**

Самое слабое место психоанализа — его обоснованность. Уже К. Поппер писал о его совместимости с любым мыслимым опытом, а значит, об отсутствии зависимости от какого бы то ни было опыта, о принципиальной непроверяемости конструкций Фрейда, Адлера, Юнга.

С помощью психоанализа можно объяснить все что угодно, в том числе абсолютно противоположные вещи: например, клиент не согласен с психоаналитиком — это подтверждает теорию, поскольку наблюдается явно выраженное сопротивление, клиент согласен с психоаналитиком — это тем более подтверждает теорию.

***Большинство современных психологов рассматривают психоанализ не более, чем набор метафор*** (Выделено мной — С. Р.).

Вот, например, вывод Н. Смита: “Академическая психология в целом считает психоаналитическую психологию ненаучной”<sup>4</sup>. И все-таки психоанализ вдохновил исследователей на проведение весьма впечатляющих экспериментов по перцептивной защите и сенсibiliзации. Ряд угаданных Фрейдом механизмов — например, вытеснение — признаются почти всеми, правда, без принятия объявленных Фрейдом причин работы этих механизмов.

### ***Бихевиоризм***

Бихевиоризм практически не содержит ахинеи. Он высоко тривиален — почти все его утверждения почти полностью соответствуют здравому смыслу. Видимо нечто подобное имеет в виду В. В. Козлов, называя бихевиоризм “изначально здоровым учением”<sup>5</sup>.

Когда Н. Хомский в 1959 году писал о том, что работа Б. Скиннера доводит бихевиористские теории до абсурда, то это касалось философии исследований, а не полученных результатов. Ахинеен лишь сам призыв Дж. Уотсона и его радикального последователя Скиннера строить психологию без какого-либо описания внутренних процессов, то есть без психики и сознания, призыв, от которого многие бихевиористы в конце концов отказались.

Результаты исследований впечатляли, но не шокировали. Непросто научить голубей играть в пинг-понг, но на хорошем цирковом представлении можно увидеть и не такое.

На первый взгляд, утверждения бихевиористов хорошо экспериментально обоснованы, но все же об их логической стройности и непротиворечивости говорить не приходится. Стоит довести рассуждения бихевиористов до логического конца, как тут же

---

<sup>4</sup> Смит Н. Современные теории психологии. СПб., 2003. С. 164.

<sup>5</sup> Труды Ярославского... С. 189.

обнаружится, что концы с концами у них не вяжутся. Все их квазитеоретические термины (“связь”, “след” и тому подобное) не наблюдаемы (вопреки их заверениям), ничем не обоснованы и только ведут в хаос противоречий<sup>6</sup>.

Ф. Е. Василюк говорит об этом так: “Если не послушаться Скиннера и продолжить линию его экспериментов до онтологической плоскости, то там обнаружатся скандальные для правоверного бихевиориста вещи”<sup>7</sup>.

В итоге бихевиористы постоянно встречаются с аномалиями, но “тихо их игнорируют или списывают на плохие методы”<sup>8</sup>. У. Найссер уже в 1978 году заявил, что **бихевиоризм вообще потерпел катастрофу** (Выделено мной — С. Р.), а лучшее его достижение — теория научения — почти полностью отброшена. Пусть “остатки бихевиоризма еще сохраняются на некоторых островках, а его защитники по-прежнему источают уверенность, но **сражение в сущности проиграно** (Выделено мной — С. Р. “<sup>9</sup>.

### **Когнитивизм**

Когнитивизм не представляет собой однородного явления. Скорее, это совокупность разрозненных концепций, объединенных не всегда явно выраженным убеждением, что все психические явления должны быть описаны в терминах логики познания и процессов переработки информации, *а психика и сознание представляют собой необходимый инструмент познавательной деятельности.*

Однако зачастую присущее им избыточно прямолинейное представление о том, что разумные функции заданы человеку генетически, что **психика “непосредственно воплощена в нервной ткани мозга”, на мой взгляд, уводит когнитивистов с избранного ими пути** (Выделено мной — С. Р.).

Многие исследователи почему-то полагают, что ответы на волнующие их проблемы надо искать в неведомом: наверное, такова

---

<sup>6</sup> Аллаhverдов В. М. Методологическое путешествие по океану бессознательного к таинственному острову сознания. СПб., 2003. С. 104–130.

<sup>7</sup> Василюк Ф. Е. Методологический анализ в психологии. М. 2003. С. 116.

<sup>8</sup> Лихи Т. История современной психологии. СПб., 2003. С. 320.

<sup>9</sup> Найссер У., Хаймен А. Когнитивная психология памяти (Memory observed). СПб., 2005. С. 21.

структура мозга, говорят они, хотя мы ее и не знаем. Мол, позже придет нейрофизиолог и все окончательно разъяснит.

Но как, например, нейрофизиологи (тем более генетики) могут объяснить ограничения, наложенные на сознание, если никому толком не известно, что такое сознание? Ограничения **чего** (Выделено мной — С. Р.) следует объяснять?

Неудивительно, что когнитивные психологи постоянно запутываются в двойственной интерпретации своих результатов. **Ведь согласно их основной позиции, все психические явления, все обнаруживаемые ими явления должны объясняться логикой процесса познания, а не структурой мозга или генетическими мутациями. Однако тут же они объясняют результаты своих изящных экспериментов ограничениями, наложенными на структуры мозга** (Выделено мной — С. Р.).

Неудивительно, что в другой, еще более изящной серии экспериментов эти объяснения опровергаются<sup>10</sup>.

Запутавшись, когнитивная психология стала откровенно дрейфовать в сторону эмпиризма. На заре когнитивной психологии У. Найссер в книге, давшей название направлению, прямо говорит о несовместимости когнитивизма и бихевиоризма<sup>11</sup>. Но “когнитологи второго поколения”, потерявшие чистоту когнитивного замысла, стали ослаблять эту свою оппозиционность, признав бихевиоризм родственной, но просто недостаточно общей теорией.

Когнитивные психологи получили ряд вполне ахинеичных результатов, однако в своем большинстве они относятся к кратковременным процессам, протекающим менее чем за одну секунду. Хотя детали и уточнения сыплются как из рога изобилия, но они уже не радуют, а “нагоняют сон”<sup>12</sup>. Обоснованность частных результатов достаточно высокая, но любая попытка изложить целостную картину выглядит ничем не доказанной спекуляцией.

---

<sup>10</sup> Аллахвердов В. М. Сознание как парадокс (Экспериментальная психология). СПб., 2000. С. 222–240.

<sup>11</sup> Neisser U. Cognitive psychology. N.Y., 1967. P. 5.

<sup>12</sup> Там же. С. 18.

Главные достижения неплохо тривиализированы. Однако в отличие от бихевиористов, когнитивисты все-таки разрешают себе относиться с сомнением к собственным конструкциям.

**Итог анализа** (Выделено мной — С. Р.) (разумеется, заведомо субъективного) совпадает в целом с данной выше оценкой положения дел в нашей науке, но позволяет увидеть картину под другим углом зрения.

**Отдельные хорошо обоснованные эмпирические кусочки не склеиваются в логически непротиворечивую систему даже внутри одной какой-нибудь концепции** (Выделено мной — С. Р.).

Наиболее эвристичны частные ахинейные результаты когнитивных психологов ввиду их обоснованности и тривиализированности.

Психоанализ — самое ахинейное из всех теоретических построений — содержит тонкие идеи психических механизмов, которые, однако, до сих пор и не обоснованы и не тривиализированы.

Психологическая практика — как наиболее ахинейная часть психологического знания — ушла далеко вперед от психологической теории и с ней не сопоставима.

Общая психологическая теория принципиально не может быть создана сложением (синтезом, интеграцией) рассмотренных концепций.

**Думается, что выход из создавшегося положения — не призыв к абстрактному или психологически комфортному единству, а создание, обоснование и тривиализация подлинно ахинейных идей. И признание необходимости такого описания самих исследований, чтобы их ахинейность и обоснованность и тривиальность каждому читателю была бы сразу видна** (Выделено мной — С. Р.)»<sup>13</sup>.

---

<sup>13</sup> Аллахвердов В. М. Размышление о науке психологии с восклицательным знаком. СПб., 2009. С. 48–57.